

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-12

Косово: сецессия как национальный проект

Ирина Владимировна КУДРЯШОВА

кандидат политических наук, доцент, кафедра сравнительной политологии
Московский государственный институт международных отношений МИД
России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва, Российская Федерация
E-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-1842-4672

Елена Юрьевна МЕЛЕШКИНА

доктор политических наук, главный научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: elenameleshkina@yandex.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. (2021) Косово: сецессия как национальный проект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 228–249. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-12

Статья поступила в редакцию 19.10.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 19-011-00662.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается процесс национально-государственного строительства в частично признанной Республике Косово. Авторы отвечают на вопрос, возможно ли успешное решение задачи создания институтов государства при активном участии международных акторов в случае правозащитной сецессии. Выявляются факторы, определяющие возможности создания эффективных государственных институтов и их легитимность в Косово: традиции самостоятельной государственности и организации власти в целом, особенности социокультурного и этнического состава населения, его изменение в

ходе вооруженного конфликта, цели и стратегии внешних акторов – «строителей государства», соответствие целей и мер внешних «строителей государства» запросам внутренних акторов и населения, качество использования новых институтов местными акторами. Сделан вывод, что специфика традиций организации власти, неконсолидированность границ (в т. ч. социокультурных и этнических), противоречия между участвующими в политических процессах Косово международными структурами, а также между ними и внутренними акторами в значительной степени осложняют процесс государственного строительства в респуб-

лике. Это подтверждают основные показатели развития институтов и экономики, которые за годы после провозглашения независимости не улучшаются или улучшаются незначительно. Кроме того, одной из значительных проблем консолидации политики является слабая политическая интеграция сербского меньшинства, особенно в Северном Косово, что ставит под вопрос перспективы образования единой гражданской нации в рамках существующих границ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Республика Косово, правозащитная сецессия, строительство государства, формирование нации, этничность, институциональные реформы, традиции организации власти, международные организации, легитимность

Рост сепаратистских движений и идей, сопряженный с противоречивыми процессами умножения и углубления социокультурных размежеваний в многосоставных обществах (см. [Семеновко 2018]), актуализировал вопрос о правозащитной сецессии (*remedial secession*) как пути решения этнополитических конфликтов.

Теория правозащитной сецессии стала обретать популярность среди экспертов с начала 1980-х гг. Сам термин был введен в научный оборот Л. Бакхайтом [Buchheit 1978]. Развивая эту теорию, М. Веллер определяет случай Косово уже не как сецессию, но как «правозащитное самоопределение» [Weller 2008, p. 86]. Мнение о легитимности такой формы права на самоопределение разделяют и некоторые другие исследователи (см., например [Александрян 2017]).

Однако большинство специалистов занимают более сдержанную позицию и не считают, что одобрение теории правозащитной сецессии приведет к новой и более продвинутой форме международной политики (см. [Горовиц 2013; Del Mar 2013; Lu 2018]). Нет и ни одного международно-правового документа, устанавливающего право на сецессию при наступлении определенных обстоятельств.

Вместе с тем вопрос о допустимости/недопустимости правозащитной сецессии¹ имеет не только теоретическое, но и практическое измерение, определяемое «качеством жизни» новых политических образований. В этом контексте интерес представляет случай Республики Косово (РК), который выделяется как масштабом официального признания результатов сецессии (около 100 государств), так и уровнем и характером участия в государственном строительстве международных акторов, придерживавшихся либеральной рамки урегулирования. С этой точки зрения нас интересует, насколько успешной можно считать реализацию проекта «независимое Косово», т. е. каким образом и в какой степени всем заинтересованным участникам удалось реализовать задачи государственного строительства.

Вслед за Р. Пэрисом и Т. Сиском мы можем понимать этот процесс как «усиление или формирование легитимных институтов управления» на национальном уровне [Paris, Sisk 2009, p. 14]. В этом определении можно выделить два связанных друг с другом аспекта, каждый из которых может быть подвергнут оценке. Первый – это эффективное функционирование государственных институтов, их способность

¹ Используя это понятие, мы хотим отметить, что и проекты осуществления правозащитной сецессии, и сопровождающий их дискурс обладают избирательным характером в отношении установления субъектов этого права; о различных подходах к независимости Косово см. [Романенко 2008].

обеспечивать безопасность и верховенство закона, сбор налогов и базовые общественные блага. Второй – это легитимность на международном и внутригосударственном уровнях.

В условиях, когда государство возникает в результате сецессии, а формирование государственных институтов происходит во многом при участии внешних сил, актуальным является вопрос об эффективности институциональной трансплантации. В политической науке выделяют несколько факторов, обуславливающих ее успех. Отметим наиболее важные для целей нашей работы.

Во-первых, это специфика контекста. Среди значимых особенностей контекста, влияющих на успех институционального строительства, следует отметить наличие этнокультурного разнообразия и совпадение или несовпадение границ различного рода (территориальных, политических, культурных, экономических и др.). Сторонники функционалистского подхода к анализу формирования государств отмечают, что границы определяют конфигурацию акторов и публичных ресурсов на определенной территории. Открытые границы увеличивают возможности «выхода» для политических акторов и населения (в т. ч. в форме сецессии), закрытые – способствуют реализации функции «голоса» (воздействия на правительство) (см. [Finer 1974, pp. 80–82]). Соответственно, контроль над границами и сокращение возможностей «выхода» акторов запускают процессы политического производства, развивают механизмы легитимации внутренней иерархии и структурирования политики, способствуют более эффективному выполнению специализированных функций политической властью [Bartolini 2005, p. 29].

Во-вторых, это адаптация к контексту новых институтов [Berkowitz, Pistor, Richard 2003; De Jong, Stoter 2009]. В

этом аспекте исключительно значимыми оказываются существующие институциональные традиции организации власти, в частности, наличие или отсутствие собственного значительного опыта независимой государственности.

В-третьих, это знакомство общества-реципиента с новым институтом, облегчающее процесс адаптации [Berkowitz, Pistor, Richard 2003]. В этом процессе значительную роль могут играть «институциональные предприниматели», «правовые посредники» [Zweynert 2009; De Jong, Stoter 2009]. Этот фактор оказывается особенно важным, если в государственном строительстве задействованы участники военных действий или если государственное строительство осуществляется при участии внешних сил (см., например [Krasner, Risse 2014, pp. 555–558]).

С. Краснер и Т. Риссе выделяют три источника «внутренней» легитимности применительно к внешним акторам: легитимность «входа» и «выхода», а также соответствие международных норм моральным убеждениям или нормам локальных или национальных сообществ [Krasner, Risse 2014, p. 556]. Легитимность «входа» обусловлена качеством участия местных акторов (соглашение/принуждение) в процессе принятия решений, «выхода» – уровнем эффективности международных участников государственного строительства. Их долгосрочная стратегия предполагает постепенную передачу власти местным акторам, которые управляли бы эффективными и легитимными институтами [Narten 2009, p. 252].

Процесс передачи власти местным акторам не является простым и однонаправленным. Среди его рисков отмечаются противостояние и (или) соревнование между местными элитами и международными акторами [Richmond, Jason 2007], принижение роли местных акторов в демократическом процессе

[Blease, Qehaja 2013], сложность борьбы с коррупцией и организованной преступностью в условиях низкой стабильности [King, Mason 2006; Capussela 2015], а также маргинализация меньшинств [Franks, Richmond 2008].

В-четвертых, это обратное влияние новых институтов на местную культуру и неформальные институты, т. е. рекогнитивный процесс [Chang, Evans 2005, р. 103]. Влияние этого фактора определяет, насколько возникающее при таком взаимодействии наполнение новых институтов отвечает задачам формирования эффективных государственных институтов и их легитимности.

Обобщение этих идей позволяет нам выделить и систематизировать факторы, которые, как представляется, во многом определяют возможности создания эффективных государственных институтов и их легитимность в Республике Косово. Во-первых, это традиции существования собственной государственности и институтов государственной власти, традиции организации власти в целом. Во-вторых, особенности социокультурного и этнического состава населения и его изменение в ходе вооруженного конфликта. В-третьих, цели и стратегии внешних акторов – «строителей государства». В-четвертых, соответствие целей и мер внешних «строителей государства» запросам внутренних акторов и населения. В-пятых, качество использования новых институтов местными акторами.

Традиции государственности

В нынешних границах Косово никогда не существовало как самостоятельное государство. После поражения на Косовом поле в 1389 г. правитель Сербии Лазаревич признал сюзеренитет Османской империи. Полно-

стью территория Косово была завоевана в 1454 г. К началу XX в. на албанском юге сформировались городские сообщества зажиточных торговцев и ремесленников, которые, однако, не имели какого-либо политического влияния. На албанском севере проживали горные кланы, очень бедные, но хорошо вооруженные, чье влияние выходило за пределы их земель, поскольку они были готовы служить тому, кто предложит лучшую цену. Между ними лежали территории, управляемые землевладельцами (беями), которые воплощали османскую власть. Клановые структуры способствовали устойчивости неформальных связей.

Религиозные различия между албанцами не были политизированы. На юге мусульмане соседствовали с романо-католиками и православными, большинство жителей центральных территорий были мусульманами-суннитами или членами суфийского ордена бекташи, близкого к шиитскому мистицизму. Албанцы Косово и Черногории в большинстве своем следовали суннизму и придерживались норм традиционного права (о кодексе Лека Дукагьини см. ниже). Исследователи отмечают их любовь к огнестрельному оружию, которое стало частью традиционных норм (защита чести) и костюма (см. [Tasić 2020, pp. 70–72]).

В 1877 г. был образован Косовский вилайет с центром в Скопье. Привилегированный статус албанцев при султани Абдель Хамиде II (1878–1908 гг.) привел к тому, что практически все они были вооружены и могли быть быстро мобилизованы в иррегулярные формирования (башибузуки). Все пытавшиеся ограничить их в праве на оружие (например, младотюрки после революции 1908 г., сербы после балканских войн 1912–1913 гг. или югославы после 1918 г.) встречали упорное сопротивление [Tasić 2020, p. 72].

В 1913 г. вилайет был включен в Королевство Сербия и впоследствии – в Королевство Югославия. Во время Второй мировой войны Косово было присоединено к Албании в рамках проекта Великой Албании, но после ее завершения возвращено в состав Югославии. За этот период на его территории значительно сократилась доля сербского и черногорского населения.

Окончание войны активизировало переговоры коммунистических лидеров балканских стран о создании Балканской федерации, одним из членов которой должна была быть Албания. Однако противоречия в советско-югославских и югославско-албанских отношениях вынудили И. Броз Тито сосредоточиться на строительстве югославской федерации на основе принципа «равноправия народов» и югославянской идеи.

Неравномерное социально-экономическое развитие и политические разногласия субъектов федерации стали источником обострения «национального вопроса». Находясь в составе Сербии первоначально как Автономная область Косово и Метохия (после 1963 г. как автономный край), Косово было наименее развитым регионом федерации и специализировалось на добыче сырья (бурый уголь, металлы) и производстве сельскохозяйственной продукции. В 1955–1956 и 1968 гг. автономия переживала периоды политической нестабильности; в ходе массовых протестов 1968 г. выдвигались как требования повышения статуса края до уровня республики, так и идея объединения с Албанией. В результате были приняты меры для развития албанской культуры и образования, создана система квотирования рабочих и административ-

ных мест. По Конституции 1974 г. Косово получило фактически статус субъекта федерации, оставаясь формально автономией в составе Сербии.

Из-за отсутствия подвижек в решении экономических проблем края в 1981 г. там вновь вспыхнули беспорядки, которые продолжались до середины 1980-х гг. В 1989 г. были приняты поправки к Конституцию Сербии, в соответствии с которыми край перешел под прямое управление республики, что вызвало радикализацию албанского национального движения. С конца 1989 г. в Косово было введено чрезвычайное положение, но оно не остановило процесс дезинтеграции. После решений Скупщины о лишении Косово и Воеводины автономного статуса в 1991 г. косовские албанцы объявили о создании независимой Республики Косово, образовали парламент и провели президентские выборы, не признанные властями Сербии. В 1996 г. отряды албанцев, объединенные в Освободительную армию Косово (ОАК), начали вооруженные акции, к 1998 г. переросшие в полномасштабную партизанскую войну. В 1999 г. в результате прямого военного вмешательства НАТО сербское правительство было вынуждено согласиться на ввод в Косово военного контингента альянса и переход края под управление ООН при соблюдении территориальной целостности Союзной Республики Югославия (СРЮ). В 2008 г. косовский парламент во второй раз провозгласил независимость республики².

Как отмечают международные эксперты, после завершения в 1999 г. вооруженного конфликта в Косово образовался «полный институциональный вакуум». Основные функции по организации общественной жизни выпол-

2 Основные документы по истории Косово различных периодов собраны на сайте EuroDocs: Online Sources for European History // https://eudocs.lib.byu.edu/index.php/History_of_Kosovo_Primary_Documents, дата обращения 10.12.2020.

няли международные акторы. В северных муниципалитетах с сербским большинством были созданы параллельные структуры, предоставляющие услуги в области здравоохранения и образования, которые финансировались сербским правительством [A Comprehensive Review 2005]. Таким образом, можно оценить собственный опыт институционального строительства в Косово как достаточно ограниченный и недостаточный для самостоятельного решения задачи по созданию национального государства.

Динамика этнического и социокультурного состава населения

Для сецессий, являющихся результатом этнополитического конфликта и осуществляемых во имя восстановления права меньшинства «на свою землю», этническая идентичность населения оспариваемой территории имеет первостепенное значение: чем выше этническая гомогенность, тем больше шансов на согласие по устанавливающим вопросам для новой политики.

Таблица 1. Этнический состав населения Косово, 1941–2011 гг.
Table 1. Population of Kosovo by Ethnicity, 1941–2011

Перепись, год	Всего	Албанцы	Сербы	Турки	Цыгане	Другие
1948	733 034	498 244	176 718	1 320	11 230	5 522
%	100	68,0	24,1	0,2	1,5	6,2
1953	815 908	524 562	189 869	34 590	11 904	54 983
%	100	64,3	23,3	4,2	1,5	6,7
1961	963 988	646 605	227 016	25 764	3 202	61 401
%	100	67,1	23,5	2,7	0,3	6,4
1971	1 243 693	916 168	228 264	12 244	14 593	72 424
%	100	73,7	18,4	1,0	1,2	5,8
1981	1 584 440	1 226 736	209 798	12 513	34 126	101 267
%	100	77,4	13,2	0,8	2,2	6,4
1991	1 956 196	1 596 072	194 190	10 445	45 745	109 744
%	100	81,6	9,9	0,5	2,3	5,6
2006*	2 100 000	1 932 000	111 300	8 400	23 512	24 788
%	100	92	5,3	0,4	1,1	1,2
2011**	1 739 825	1 644 865	27 983	19 568	5 860	39 297
%	100	94,5	1,6	1,1	0,3	2,5
2011***	1 780 021	1 647 436	65 608	н/д	н/д	н/д

Примечания:

* Оценочные данные;

** Без учета населения четырех муниципалитетов (Лепосавич, Звечан, Зубин Поток, Северная Митровица), не принимавших участия в переписи.

*** Вместе с оценочными данными по этническому составу четырех вышеназванных муниципалитетов.

Источник: Demographic Changes of the Kosovo Population 1948–2006 // Kosovo Agency of Statistics // <https://ask.rks-gov.net/media/1835/demographic-changes-of-the-kosovo-population-1948-2006.pdf>; Kosovo in Figures 2006 // Kosovo Agency of Statistics // <https://ask.rks-gov.net/media/2172/kosovo-in-figures-2006.pdf>; Estimation of Kosovo Population 2011 // Kosovo Agency of Statistics // <https://ask.rks-gov.net/media/2129/estimation-of-kosovo-population-2011.pdf>, дата обращения 29.09.2020.

Впервые учет этнического состава населения Косово был произведен в переписи 1948 г. В социалистический период этническая принадлежность фиксировалась на основе заявлений респондентов, а в случае детей, не достигших 10 лет (в последующих переписях – 15 лет), – со слов родителей. В 2006 г. она определялась по родному языку, а в 2011 г. – вновь на основе самоидентификации.

Корректная интерпретация демографических изменений в Косово требует объяснения некоторых процессов, например, стремительного увеличения албанского населения (и снижения численности сербского) в 1970–1980 гг., а также «исчезновения» почти 400 тыс. чел. в период между 2006 и 2011 гг. Очень высокая рождаемость среди албанцев (в 1979 г. Косово вышло по этому показателю на первое место в СФРЮ и Европе в целом – 26,1 на 1 000 женщин [Pavlović 2013]) была политизирована и преподносилась националистическими сербскими силами как стратегия «захвата Косово». Однако в бедных сельских обществах, где для женщин нет рабочих мест, она объективно не могла быть низкой. Следует также учитывать, что переписи 1971 и 1981 гг. проводились в крае местными властями, отказавшимися от помощи федеральных органов.

Начавшаяся дезинтеграция СФРЮ остановила развитие экономики края (в 1986–1990 гг. туда было направлено 48,1% всех средств Федерального фонда ускоренного развития недостаточно развитых республик и Косово). В 1990 г. в регионе насчитывалось 140 тыс. безработных; среди молодежи безработица достигала 70% [Ramet 2006, pp. 274–275]. Демографическое давление и недостаток рабочих мест с достойной оплатой побуждали более образованных сербов покидать Косово.

Перепись 1991 г. бойкотировалась албанцами, и Федеральное статистическое управление СРЮ представило прогнозную оценку численности и состава населения края на основе переписи 1981 г. и наблюдавшихся тенденций. Эти цифры в целом оцениваются специалистами как достоверные.

В 1990-е гг. имела место существенная, но неучтенная миграция албанцев, сербов и представителей других групп, сопровождавшаяся падением рождаемости, поэтому перепись 2011 г. зафиксировала очень значительную убыль населения по сравнению с оценкой 2006 г. Ею также не были охвачены жители четырех северных муниципалитетов, преимущественно сербских, поэтому была представлена лишь оценка их численности (около 37 тыс. чел.). Эту цифру косвенно подтверждают данные о записи детей в сербские школьные учреждения и сведения Сербской православной церкви (2019 г.): количество резидентов-сербов в Косово оценивается приблизительно в 100 тыс. чел., около 40% которых проживают в северных районах [Judah 2019]. Остальные сербские общества находятся в центре и на юго-востоке страны, преимущественно в сельской местности.

Какими бы сторонами ни осуществлялись подсчеты, их сопоставление показывает, что Косово представляет собой общество с полным доминированием албанцев (92–93%). Одновременно оно остается глубоко разделенным из-за четырех муниципалитетов с сербским большинством к северу от р. Ибар, инфраструктура которых связана с Сербией. Разделенным является и город Косовска-Митровица.

Из-за ограниченного эффекта экономических реформ социалистического периода, длительной нестабильности и вооруженного конфликта уровень урбанизации в крае остался низ-

ким. В 1990-е гг. рост межэтнической конфликтности спровоцировал миграцию из города в деревню, и обратный процесс начался только после установления контроля международных миротворческих сил.

Реальная численность городских жителей в РК может достигать 45–50%, поскольку далеко не все мигранты официально регистрируют смену места жительства [Gollopeni 2015, р. 98]. Тем не менее слабость экономики и инфраструктуры, как и сельский образ жизни большинства населения, способствует воспроизводству патримониальных культурных установок и ценностей.

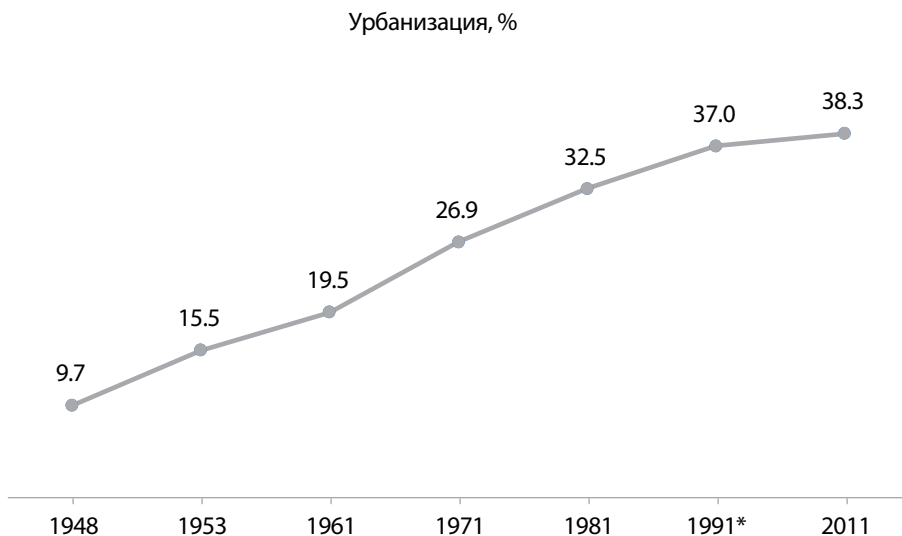
Исследователи отмечают, что в 1990-е гг. слабость государственных и судебных структур вернула в жизнь албанцев обычное право (нормы которого зафиксированы в средневековом законице Лека Дукагьини (см. [Закон-

ник Лека Дукагьини 1961]), которое защищает институт родовой общины и регулирует кровную месть, систему наказаний, ведение хозяйства, наследование и др. Семейные кланы олицетворяют в глазах албанцев безопасный образ жизни и уважение к воле главы семьи (см. [Cara, Margjeka 2015]). Как отмечают Ш. Эйзенштадт и Л. Ронигер, патрон-клиентские отношения тесно связаны со специфическим восприятием общественного порядка как «ограниченного блага» (блага общины, семьи и т. д.) [Эйзенштадт, Ронигер 2016, с. 374–375].

Обостренная войной этническая идентичность в сочетании с клиентелизмом представляет собой серьезный вызов целям международных акторов, главная из которых предполагает построение в Косово демократического государства.

Рисунок 1. Динамика урбанизации в Косово, 1948–2011 гг.

Figure 1. Urbanization Dynamics in Kosovo, 1948–2011

Примечание:

* Оценочные данные.

Источник: составлено по данным Kosovo Agency of Statistics // <https://ask.rks-gov.net/en/kosovo-agency-of-statistics>, дата обращения 10.09.2020.

Цели и стратегии внешних акторов

Институциональную основу будущей РК заложили такие документы, как Соглашения Рамбуйе (1999 г.) и Конституционные рамки временного самоуправления в Косово (2001 г.). В 2008 г. была объявлена независимость Косово и принята Конституция. Новую республику она определяет как «мультиэтническое общество, состоящее из албанской и других общин и управляемое демократическим путем». Албанский и сербский языки имеют статус государственных, языки других меньшинств – статус официально используемых языков. Гарантированы культурные права общин, сбалансированное представительство общин на государственной службе и государственных предприятиях, учрежден консультативный совет общин при президенте, сохранен порядок квотирования мест в парламенте и его президиуме. Косово стало парламентской республикой.

Децентрализации власти должна способствовать высокая степень автономности муниципалитетов, получивших право на развитие межмуниципальных связей и трансграничного сотрудничества. В Законе о местном самоуправлении закреплён принцип subsidiarity (ст. 15).

Анализ Конституции показывает, что ее нормы закрепляют скорее представительство меньшинств, а не их участие в принятии политических решений. В частности, в документе отсутствуют элементы консоциализма, предусмотренные конституционными рамками (право меньшинств блокировать нежелательное законодательство, учреждение верхней палаты легислатуры, территориальная автономия для сербов в Северном Косово). Вместе с тем нельзя говорить и об эффективности подобных мер, если бы они имели

место: политические элиты всех косовских общин не проявляют готовности к сотрудничеству.

Как отмечалось выше, важным фактором, определяющим эффективность государственного строительства, является тип внешних акторов, участвующих в этом процессе, их цели и стратегии. В РК действует целый ряд таких акторов. Помимо основного, Миссии ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК), среди них – ЕС, ОБСЕ, Международный валютный фонд, Всемирный банк, разнообразные агентства, военные миссии и миротворческие силы ООН.

Этот плюрализм в немалой степени обусловлен мандатом МООНК, который в настоящий период включает четыре компонента, входящие в сферу ответственности разных структур: законность и правопорядок (миссия ЕС по верховенству закона), гражданская администрация (ООН), строительство институтов (ОБСЕ), восстановление и экономическое развитие (ЕС). До 2012 г. в Косово функционировала Международная гражданская служба, которая отвечала за реализацию мирного плана.

Мандат миссии по верховенству закона предусматривал помощь косовским властям в обеспечении законности, особенно в сфере деятельности полиции, юридических структур и таможни. Он несколько раз продлевался, а после 2018 г. функции миссии свелись в основном к мониторингу ситуации и консультациям в правовой сфере.

Взгляды на цели международного управления и международного контроля основных «спонсоров» косовского проекта – ЕС и США – различались. США основной задачей видели поддержание стабильности и мира, в то время как ЕС был заинтересован в долгосрочном процессе формирования государства [Capussela 2015, p. 35]. В 2015 г. между ним и Косово было подписано

соглашение о стабилизации и ассоциации, однако путь в ЕС осложнен тем, что несколько его членов, в первую очередь Испания и Греция, РК не признают. Ближней целью выступает либерализация визового режима со странами шенгенской зоны.

Возглавляемые НАТО миротворческие силы для Косово сыграли решающую роль в приведении легковоруженных сил безопасности Косово в состояние полной боевой готовности. В 2018 г. США поддержали решение парламента РК о преобразовании их в регулярную армию, несмотря на критику других членов альянса.

Косово рассматривает США как гаранта безопасности и принципиального союзника; многие эксперты отмечают, что они сохраняют большое влияние на внутреннюю политику РК [Kosovo: Background and U.S. Policy 2020]. Администрация Д. Трампа сигнализирует о растущем интересе к расширению присутствия США на Западных Балканах. В 2020 г. при ее посредничестве была анонсирована нормализация экономических отношений между Сербией и РК (что долгое время не удавалось сделать ЕС).

Участие в косовском проекте большого количества международных организаций и отдельных государств не раз порождало конфликты между ними относительно приоритетов, лидерства, взаимодействия, представлений о системе управления [Papadimitriou, Petrov 2013, p. 221]. Непростым был и процесс постепенной передачи власти от международных организаций местным институтам и элитам, начавшийся после 2008 г. Как указывают исследователи, он сопровождался разногласиями по вопросу о том, «кто является боссом», а также расхождениями во мнениях относительно характера формируемых институтов и их функций [Tholens, Gross 2015].

Новые институты и местные акторы

Политический ландшафт Косово отличается наличием существенных конфликтов, которые уходят корнями к событиям войны 1998–1999 гг. и выражаются в конкуренции между тремя влиятельными партиями: Демократической лигой Косово (ДЛК), Демократической партией Косово (ДПК) и Альянсом за будущее Косово (АБК). Первая возникла на основе движения мирного сопротивления в 1990-х гг., а две последних были созданы на основе Армии освобождения Косово (АОК). После завершения военного конфликта ООНК, чтобы придать формирующейся системе управления легитимность и устойчивость, сделала ставку на кооптацию во власть сильных местных фигур и представителей довоенных элит. В ходе парламентских выборах 2010, 2014 и 2017 гг. в РК сложилась система мирной передачи власти: по их итогам премьерскими назначались лидеры этих партий и значительно обновлялся депутатский корпус.

О росте электоральной конкуренции говорит усиление таких партий, как «Самоопределение» (ныне самая авторитетная политическая сила, выступающая в поддержку принципов меритократии, государства развития и социального государства) и «Социал-демократическая инициатива» (СДИ), организованная бывшими членами ДПК. В 2019 г. партия «Самоопределение» выиграла парламентские выборы под лозунгами борьбы с коррупцией и плохим управлением.

Несмотря на противостояние на политической сцене, ни у одной из этих партий нет отчетливых идеологий и программ. Основной мотив партийного активизма – это получение дивидендов от участия во власти [Strengthening the Statehood 2012, p. 11].

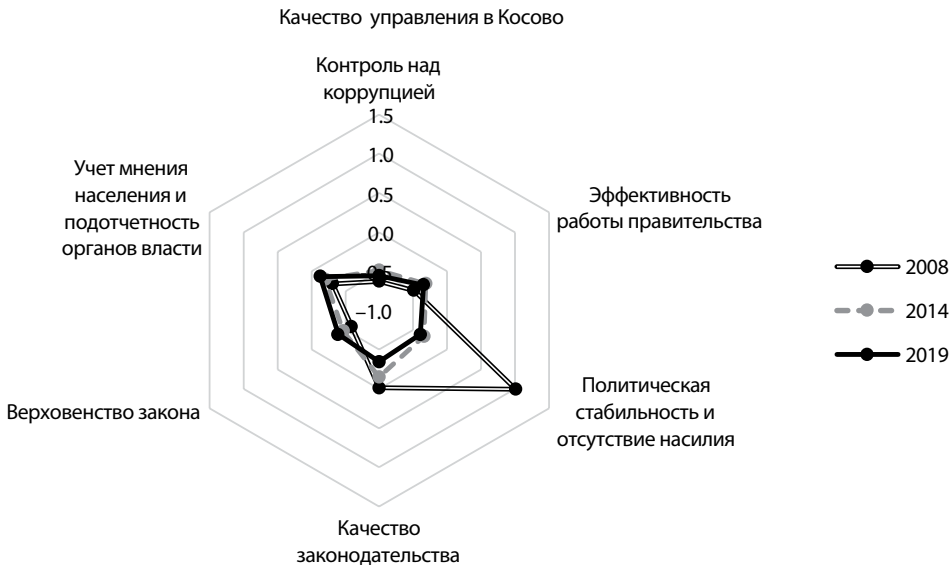
Огромную роль в жизни этих партий играют политические лидеры. Большинство из нынешних и прошлых лидеров – хорошо известные фигуры, обладающие популярностью среди албанского населения благодаря участию в мирном (как И. Ругова (ДЛК) и А. Курти («Самоопределение»)) или вооруженном (как Х. Тачи (ДПК) и Р. Харрадинай (АБК)) сопротивлении режиму С. Милошевича. Исследователи характеризуют организованные ими партии как феодальные по стилю и организации, в иерархию которых встроены лидеры, члены совета партии, рядовые члены и неформальные кланы, соединяющие все эти уровни внутри партии и обеспечивающие связи с внешними акторами. Как правило, решения принимаются лидером партии совмест-

но с представителями кланов [Hoxha, Milovanović, Buzhala 2016, p. 90; Visoka, Richmond 2017]³.

Что касается сербских партий, то самая влиятельная из них – «Сербский список»; ее поддерживают власти Сербии. На парламентских выборах 2019 г. партия получила 6,4% голосов, что позволило провести в парламент 10 депутатов.

После 2008 г. местные власти совместно с международными акторами предприняли значительные усилия по строительству институтов, и в настоящее время косовские власти имеют широкие полномочия и сферу ответственности во многих общественных сферах. Однако противоречия между международными структурами и местными элитами, разногласия внутри первых, а так-

Рисунок 2. Динамика индикаторов управления в Косово, 2008–2019 гг.
Figure 2. Dynamics of governance indicators in Kosovo, 2008–2019

Источник: сост. по: Worldwide Governance Indicators // <https://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports>, дата обращения 08.10.2020.

³ Все эти черты в той или иной степени присущи и правящим партиям Сербии, Болгарии, Македонии и Боснии и Герцеговины.

же особенности политических партий и традиций организации власти в Косово отрицательно сказались на результатах структурных реформ, в частности механизма формирования корпуса чиновников, приватизации и образования.

Закон о гражданской службе 2010 г. быстро стал инструментом контроля над карьерными возможностями для правящих партий, т. к. предусматривал одобрение назначений на должности партийным правительством [Doli, Korenica, Rugova 2012, p. 680]. Этот механизм способствовал превращению публичной администрации в инструмент контроля над распределением ренты и иных ресурсов государства, а также распространению патронажа и nepотизма, что позволяет характеризовать Косово как «захваченное государство» (*captured state*) – пример чрезмерной эксплуатации общественных ресурсов правящей элитой.

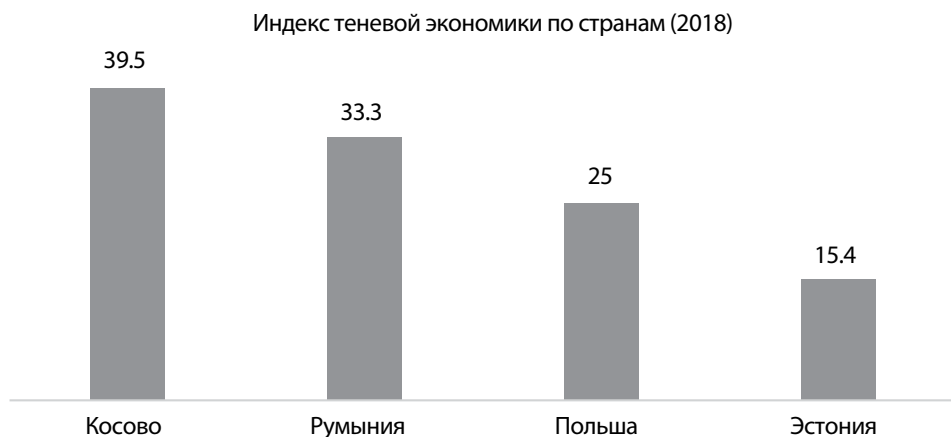
Как показывают исследования, в процессе осуществления структурных реформ, в частности, в области госу-

дарственной службы, образования и приватизации, возник разрыв между изначальным видением и реальными результатами. Новые институты носили неформальный и гибридный характер [Elbasani, Šabić 2017], только по форме напоминая исходные модели. В реальности они были организованы и функционировали в соответствии с интересами местных акторов, обеспечивая проникновение партийной клиентуры в администрацию [Tadić 2017], этническую сегрегацию в области высшего образования [Selenica 2017] и злоупотребления во время приватизации [Dobranja 2017].

До провозглашения независимости Косово оценивалось как общество с худшей системой управления на Балканах [Capussela 2015, p. 12]. Согласно индикаторам Всемирного банка, за период после провозглашения независимости ситуация существенно не изменилась – за исключением роста политической стабильности и прекращения насилия (см. рис. 3).

Рисунок 3. Индекс теневой экономики в Косово и других посткоммунистических странах, 2018 г.

Figure 2. Shadow Economy Index in Kosovo and Other Post-Communist Countries, 2018

Источник: Сост. по: [Isa, Shiroka-Pula, Krasniqi, Sauka 2019].

По мнению экспертов USAID, устойчивость неформальных властных сетей во многом обусловлена повсеместным распространением бедности и безработицы: в 1989–1994 гг. промышленное производство и добыча угля упали на более чем 50%, а конфликт 1998–1999 гг. уничтожил то, что оставалось от косовской экономики и инфраструктуры, и оставил сотни тысяч бездомных и перемещенных лиц [Kosovo Political Economic Analysis 2017]. В настоящее время состояние экономики остается неудовлетворительным.

Общие доходы государства (*total government revenue*) за 2011–2017 гг. равнялись 14% от ВВП. Налоги в 2014–2017 гг. составляли 88% доходов государства. За тот же период доля налогов в ВВП Косово равнялась 22,4%, в то время как в Албании, Черногории и Сербии она составляла 24,4%, 26,1% и 35,4% соответственно [Hernandez et al. 2019, pp. 6, 10, 11].

Уровень безработицы в Косово – один из наиболее высоких в мире. Согласно официальной статистике, за I квартал 2020 г. ее уровень составляет 25% (23,0% – среди мужчин, 30,6% – среди женщин, 46,4% – среди молодежи 15–24 лет) [Labour Force Survey Q1 2020].

Заключение

Пример Косово свидетельствует, что реализация национально-государственного проекта в результате правозащитной сепессии – неоднозначный и нелинейный процесс даже при разносторонней поддержке влиятельных международных акторов: и международных организаций, и отдельных государств (в частности, США и Германии).

В ходе исследования среди факторов, существенно ограничивающих возможности государственного строи-

тельства и легитимность новой системы, нами были выделены: специфика традиций организации власти у косовских албанцев (клановость и патронаж); неконсолидированность границ (в т. ч. социокультурных и этнических); противоречия между участвующими в «проекте Косово» международными структурами, а также между ними и внутренними акторами. Это проявляется в том, что основные показатели, свидетельствующие о развитии государственных институтов и экономики, за годы после провозглашения независимости не улучшаются или улучшаются незначительно.

Главная проблема национального проекта в условиях этнокультурной разделенности – воспроизводство межгрупповых границ в целях стабильности и безопасности (см. [Кудряшова, Харитонова 2020, с. 15–17]) – также остается нерешенной, хотя в политическую рамку Косово вмонтирован механизм, который должен способствовать снижению этнокультурной конфликтности и улучшению условий жизни сербов. Это децентрализация власти и постепенное расширение прав муниципалитетов, особенно с сербским большинством. Результаты муниципальных выборов показывают, что сербы, проживающие на юге-востоке и в центре, постепенно вынуждены включаться в политический процесс. В то же время большинство албанских партий выступают против реализации ратифицированного парламентом соглашения о создании Ассоциации сербских муниципалитетов, хотя Ассоциация не наделена исполнительными полномочиями.

Перспектива развития сотрудничества с ЕС (или условная европейская перспектива), а также давление международных акторов вынуждают Косово и Сербию взаимодействовать. Встреча их лидеров в Вашингтоне (2020 г.) привела к заключению ряда соглаше-

ний экономического и инфраструктурного характера, а также обещаниям приостановить борьбу против признания РК (Сербия) и не подавать заявку о вступлении в международные организации (Косово) в течение года. Однако нормализация отношений с Сербией, как и дальнейшее развитие отношений с Албанией, объективно работает против косовского национального проекта, препятствуя формированию общегражданской идентичности.

Список литературы

- Алексанян С.Р. (2017) К вопросу о теории ремедиальной сецессии в современном международном праве // Московский журнал международного права. № 4. С. 141–150. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-141-150
- Горовиц Д.Л. (2013) Разрушенные основания права сецессии // Власть. № 11. С. 189–191 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20744506_72606637.pdf, дата обращения 10.12.2020.
- Законник Лека Дукагьини (1961) // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М.: Гос. изд. юр. лит. // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Albanien/Zakonnik_Leka/text.phtml?id=2182, дата обращения 10.12.2020.
- Кудряшова И.В., Харитоновна О.Г. (ред.) (2020) Метаморфозы разделенных обществ. М.: МГИМО-Университет.
- Романенко С.А. (2008) Урегулирование конфликта в Косово и международная безопасность // Мир перемен. № 1. С. 43–52 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17773898_40729806.pdf, дата обращения 10.12.2020.
- Семененко И.С. (2018) Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // ПОЛИС. № 5. С. 70–87. DOI: 10/17976/jpps/2018.05.07
- Эйзенштадт Ш.Н., Ронигер Л. (2016) Патрон-клиентские отношения как модель структурирования социального обмена // Патрон-клиентские отношения в истории и современности. Хрестоматия. М.: РОССПЭН. С. 366–414.
- A Comprehensive Review of the Situation in Kosovo (2005) // Security Council, October 7, 2005 // <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF966D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Kos%20S2005%20635.pdf>, дата обращения 21.10.2020.
- Bartolini S. (2005) Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union, Oxford: Oxford University.
- Berkowitz D., Pistor K., Richard J.F. (2003) Economic Development, Legality, and the Transplant Effect // European Economic Review, vol. 47, no 1, pp. 165–195. DOI: 10.1016/S0014-2921(01)00196-9
- Besnik B., Kalaja B. (2014) Employment Party: Physiognomy of Political Patronage in Kosovo // Preportr, no 1, pp. 1–5 // http://preportr.cohu.org/repository/docs/Employment_10_Party_541680_963129.pdf, дата обращения 10.12.2020.
- Blease D., Qehaja F. (2013) The Conundrum of Local Ownership in Developing a Security Sector: The Case of Kosovo // New Balkan Politics, no 13, pp. 1–21 // <http://www.newbalkanpolitics.org.mk/item/the-conundrum-of-local-ownership-in-developing-a-security-sector-the-case-of-kosovo#.X4wttNAzBIU>, дата обращения 10.12.2020.
- Briscoe I., Price M. (2011) Kosovo's New Map of Power: Governance, Crime and Independence // https://www.researchgate.net/profile/Ivan_Briscoe2/publication/265566016_Kosovo's_new_map_of_power_governance_and_crime_in_the_wake_of_independence/links/56b45f0208ae61c480589379.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Buchheit L.C. (1978) *Secession: The Legitimacy of Self-determination*, New Haven: Yale University Press.

Capussela A.L. (2015) *State-Building in Kosovo: Democracy, Corruption and the EU in the Balkans*, London: I.B. Tauris.

Cara A., Margjeka M. (2015) Kanun of Leke Dukagjini Customary Law of Northern Albania // *European Scientific Journal*, vol. 11, no 28, pp. 174–186 // <https://core.ac.uk/download/pdf/328025156.pdf>, дата обращения 10.12.2020.

Chang H.-J., Evans P. (2005) *The Role of Institutions in Economic Change // Re-imagining Growth – Towards a Renewal of Development Theory* (eds. Dym-ski G., Da Paula S.), London, New York: Zed Books, pp. 99–129.

De Jong M., Stoter S. (2009) *Institutional Transplantation and the Rule of Law: How This Interdisciplinary Method Can Enhance the Legitimacy of International Organisations* // *Erasmus Law Review*, vol. 2, no 3, pp. 311–330 // <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.php?ID=604064031-098126096078114067065077103018-051001046052028106017001094006-110078113025069062043121044102001-042026094009121097087110024070038021022093074099031002067117123001069095126087007100004068098069068018080107099096123108120093074025083001006088020127&EXT=pdf>, дата обращения 10.12.2020.

Del Mar K. (2013) *The Myth of Remedial Secession // Statehood and Self-Determination: Reconciling Tradition and Modernity in International Law* (ed. French D.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 79–108. DOI: 10.1017/CBO9781139248952.007

Dobranja D. (2017) *Privatization or Patronage: Assessment of Difficulties in Kosovo's Privatization Process // State-building in Postindependence Kosovo: Policy Challenges and Societal Considerations* (eds. Armakolas I. et al.), Prishtinë: Kosovo Foundation for Open Society, pp. 73–94.

Doli D., Korenica F., Rugova A. (2012) *The Post-independence Civil Service in Kosovo: A Message of Politicization* // *International Review of Administrative Science*, vol. 78, no 4, pp. 665–691. DOI: 10.1177/0020852312455992

Elbasani A., Šabić S. (2018) *Rule of Law, Corruption and Democratic Accountability in the Course of EU Enlargement* // *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no 9, pp. 1317–1335. DOI: 10.1080/13501763.2017.1315162

Finer S.E. (1974) *State-Building, State Boundaries and Border Control: An Essay on Certain Aspects of the First Phase of State-Building in Western Europe Considered in the Light of the Rokkan-Hirschman Model* // *Social Science Information*, vol. 13, pp. 79–126. DOI: 10.1177/053901847401300407

Franks J., Richmond O.P. (2008) *Coopting Liberal Peace-building: Untying the Gordian Knot in Kosovo* // *Cooperation and Conflict*, vol. 43, no 1, pp. 81–103. DOI: 10.1177/0010836707086738

Gashi D., Emerson S. (2013) *A Class of Its Own – Patronage and Its Impact on Social Mobility in Kosovo* // *Democracy for Development* // https://d4d-ks.org/wp-content/uploads/2013/05/D4D_PI_2_ENG_WEB.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Gollopeni B. (2015) *Rural Urban Migration in Kosovo* // *International Journal of Business and Social Science*, vol. 6, no 9, pp. 96–105 // https://www.researchgate.net/publication/292989258_Rural_Urban_Migration_in_Kosovo, дата обращения 10.12.2020.

Hernandez M., Karver J., Negre M., Perng J. (2019) *Promoting Tax Compliance in Kosovo with Behavioral Insights* // *International Development Agency* // <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31357/135032-WP-PUBLIC-Kosovo-Tax-Compliance.pdf?sequence=1&isAllowed=y>, дата обращения 10.12.2020.

- Hoxha F., Milovanović D., Buzhala Y. (2016) Actors, Resources and Mechanisms of Informality and Klientelism in Kosovo // *Informal Power Networks, Political Patronage and Klientelism in Serbia and Kosovo* (ed. Cvejić S.), Belgrade: SeConS, pp. 87–109.
- Isa M.A., Shiroka-Pula J., Krasniqi B.A., Sauka A. (2019) Analysis of the Shadow Economy in Kosovo, Prishtina: Kosova Academy of Sciences and Arts. DOI: 10.13140/RG.2.2.17653.32487
- Judah T. (2019) Kosovo's Demographic Destiny Looks Eerily Familiar // *BalkanInsight*, November 7, 2019 // <https://balkaninsight.com/2019/11/07/kosovos-demographic-destiny-looks-eerily-familiar/>, дата обращения 10.12.2020.
- King I., Mason W. (2006) *Peace at Any Price: How the World Failed Kosovo*, Ithaca, New York: Cornell University Press.
- Kosovo: Background and U.S. Policy (2020) // Congressional Research Service, May 5, 2020 // <https://fas.org/sgp/crs/row/R46175.pdf>, дата обращения 10.12.2020.
- Kosovo Political Economic Analysis. Final Report (2017) // USAID, December 26, 2017 // <https://usaidlearninglab.org/sites/default/files/resource/files/pa00n87p.pdf>, дата обращения 12.10.2020.
- Krasner S.D., Risse T. (2014) External Actors, State-Building, and Service Provision in Areas of Limited Statehood: Introduction // *Governance*, vol. 27, no 4, pp. 545–567. DOI: 10.1111/gove.12065
- Labour Force Survey Q1 2020 // Kosovo Agency of Statistics // <https://ask.rks-gov.net/media/5610/afp-tm1-2020-anglisht.pdf>, дата обращения 12.10.2020.
- Lu J. (2018) *Exploring the Legal Color of Secession: On State Secession from International Law Perspectives*, Springer.
- Narten J. (2009) Dilemmas of Promoting “Local Ownership”: The Case of Postwar Kosovo // *The Dilemmas of Statebuilding: Confronting the Contradictions of Postwar Peace Operations* (eds. Paris R., Sisk T.D), Abingdon: Routledge, pp. 252–283.
- Papadimitriou D., Petrov P. (2013) *State-Building without Recognition: A Critical Retrospective of the European Union's Strategy in Kosovo (1999–2010)* // *In European Integration and Transformation in the Western Balkans. Europeanisation or Business as Usual* (ed. Elbasani A.), Oxford: Routledge, pp. 121–137.
- Paris R., Sisk T.D. (2009) Introduction: Understanding the Contradictions of Postwar State-building // *The Dilemmas of State-building: Confronting the Contradictions of Postwar Peace Operations* (eds. Paris R., Sisk T.D), Abingdon: Routledge, pp. 1–20.
- Pavlović M. (2013) Demographic Changes in Kosovo – 1974–1981 // *Transconflict*, April 5, 2013 // <http://www.transconflict.com/2013/04/demographic-changes-in-kosovo-1974-1981-054/>, дата обращения 10.12.2020.
- Ramet S.P. (2006) *The Three Yugoslavias: State-Building and Legitimation, 1918–2005*, Bloomington: Indiana University Press.
- Richmond O., Jason F. (2007) Liberal Hubris? Virtual Peace in Cambodia // *Security Dialogue*, vol. 38, no 1, pp. 27–48. DOI: 10.1177/0967010607075971
- Selenica E. (2017) Crafting Exclusive Nations? The Role of Education in Postwar Kosovo // *State-Building in Postindependence Kosovo: Policy Challenges and Societal Considerations* (eds. Armakolas I. et al.), Prishtinë: Kosovo Foundation for Open Society, pp. 95–114.
- Skendaj E. (2014) International Insulation from Politics and the Challenge of State Building: Learning from Kosovo // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, vol. 20, no 3, pp. 459–481. DOI: 10.1163/19426720-02003009
- Strengthening the Statehood of Kosovo through the Democratization of Political Parties (2012) // KIPRED // http://www.kipred.org/repository/docs/Strengthening_the_statehood_of_Kos

ovo_through_the_democratization_of_political_parties_17969.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Tadić K. (2017) Hybrid Institutions? International Templates and Political Patronage in the Recruitment of Civil Servants in Kosovo // *State-building in Postindependence Kosovo: Policy Challenges and Societal Considerations* (eds. Armarkolas I. et al.), Prishtinë: Kosovo Foundation for Open Society, pp. 53–72.

Tasić D. (2020) *Paramilitarism in the Balkans: Yugoslavia, Bulgaria, and Albania, 1917–1924*, New York: Oxford University Press.

Tholens S., Gross L. (2015) Diffusion, Contestation and Localisation in Post-War States: 20 Years of Western Balkans Reconstruction // *Journal of International Re-*

lations and Development, vol. 18, no 3, pp. 249–264. DOI: 10.1057/jird.2015.21

Visoka G., Richmond O. (2016) After Liberal Peace? From Failed State-Building to an Emancipatory Peace in Kosovo // *International Studies Perspectives*, vol. 18, no 1, pp. 1–20. DOI: 10.1093/isp/ekw006

Weller M. (2008) *Negotiating the Final Status of Kosovo // Chaillot Paper. No 114*, Paris: European Union Institute for Security Studies // <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp114.pdf>, дата обращения 10.12.2020.

Zweynert J. (2009) Interests versus Culture in the Theory of Institutional Change? // *Journal of Institutional Economics*, vol. 5, no 3, pp. 339–360. DOI: 10.1017/S174413740999004X

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-12

Kosovo: Secession as a Nation-building Project

Irina V. KUDRYASHOVA

PhD in Politics, Associate Professor, Department of Comparative Politics
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), 119454,
Vernadsky Av., 76, Moscow, Russian Federation
E-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-1842-4672

Elena Yu. MELESHKINA

DSc in Politics, Chief Researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of
Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovskiy Av., 51/21, Moscow, Russian Federation
E-mail: elenameleshkina@yandex.ru

CITATION: Kudryashova I.V., Meleshkina E.Yu. (2021) Kosovo: Secession as a Nation-building Project. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 228–249 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-12

Received: 19.10.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out as part of the work on the RFBR project no 19-011-00662.

ABSTRACT. *The article focuses on state- and nation-building in the partially recognized Republic of Kosovo. The main research question is whether it is possible to build effective state institutions within non-consolidated borders after a “remedial secession” relying on the support of international actors. The article identifies the factors that determine this possibility. They are tradition of independent political being and power organization; peculiarities of sociocultural and ethnic composition; goals and strategies of the external actors and their compliance with needs of the internal actors and the population; level of new institutions’ applicability. The authors conclude that the tradition of power organization, non-consolidated borders (in-*

cluding socio-cultural borders), contradictions between different international organizations and between them and internal actors hamper the process of state-building in Kosovo to a great extent. The evidence is the lack of visible improvements reflected by indicators of the economic and institutional development. Furthermore, weak integration of Serbian minority, especially in the North Kosovo, remains a major challenge to nation-building within existing borders.

KEYWORDS: *Republic of Kosovo, remedial secession, state-building, nation-building, ethnicity, institutional reforms, traditions of power organization, international organizations, legitimacy*

References

A Comprehensive Review of the Situation in Kosovo (2005). *Security Council*, October 7, 2005. Available at: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Kos%20S2005%20635.pdf>, accessed 21.10.2020.

Aleksanian S.R. (2017) On Theory of Remedial Secession in Contemporary International Law. *Moscow Journal of International Law*, no 4, pp. 141–150 (in Russian). DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-141-150

Bartolini S. (2005) *Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union*, Oxford: Oxford University.

Berkowitz D., Pistor K., Richard J.F. (2003) Economic Development, Legality, and the Transplant Effect. *European Economic Review*, vol. 47, no 1, pp. 165–195. DOI: 10.1016/S0014-2921(01)00196-9

Besnik B., Kalaja B. (2014) Employment Party: Physiognomy of Political Patronage in Kosovo. *Preportr*, no 1, pp. 1–5. Available at: http://preportr.cohu.org/repository/docs/Employment_10_Party_541680_963129.pdf, accessed 10.12.2020.

Blease D., Qehaja F. (2013) The Conundrum of Local Ownership in Developing a Security Sector: The Case of Kosovo. *New Balkan Politics*, no 13, pp. 1–21. Available at: <http://www.newbalkanpolitics.org.mk/item/the-conundrum-of-local-ownership-in-developing-a-security-sector-the-case-of-kosovo#.X4wttnAzBIU>, accessed 10.12.2020.

Briscoe I., Price M. (2011) *Kosovo's New Map of Power: Governance, Crime and Independence*. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Ivan_Briscoe2/publication/265566016_Kosovo's_new_map_of_power_governance_and_crime_in_the_wake_of_independence/links/56b45f0208ae61c480589379.pdf, accessed 10.12.2020.

Buchheit L.C. (1978) *Secession: The Legitimacy of Self-determination*, New Haven: Yale University Press.

Capussela A.L. (2015) *State-Building in Kosovo: Democracy, Corruption and the EU in the Balkans*, London: I.B. Tauris.

Cara A., Margjeka M. (2015) Kanun of Leke Dukagjini Customary Law of Northern Albania. *European Scientific Journal*, vol. 11, no 28, pp. 174–186. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/328025156.pdf>, accessed 10.12.2020.

Chang H.-J., Evans P. (2005) The Role of Institutions in Economic Change. *Reimagining Growth – Towards a Renewal of Development Theory* (eds. Dymksi G., Da Paula S.), London, New York: Zed Books, pp. 99–129.

De Jong M., Stoter S. (2009) Institutional Transplantation and the Rule of Law: How This Interdisciplinary Method Can Enhance the Legitimacy of International Organisations // *Erasmus Law Review*, vol. 2, no 3, pp. 311–330 // <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.php?ID=60406403109812609607-8114067065077103018051001046052028-106017001094006110078113025069062-043121044102001042026094009121097087110024070038021022093074099031002067117123001069095126087007100004068098069068018080107099096123108120093074025083001006088020127&EXT=pdf>, accessed 10.12.2020.

Del Mar K. (2013) The Myth of Remedial Secession. *Statehood and Self-Determination: Reconciling Tradition and Modernity in International Law* (ed. French D.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 79–108. DOI:10.1017/CBO9781139248952.007

Dobranja D. (2017) Privatization or Patronage: Assessment of Difficulties in Kosovo's Privatization Process. *State-building in Postindependence Kosovo: Policy Challenges and Societal Considerations* (eds. Armakolas I. et al.), Prishtinë: Kosovo Foundation for Open Society, pp. 73–94.

Doli D., Korenica F., Rugova A. (2012) The Post-independence Civil Ser-

vice in Kosovo: A Message of Politicization. *International Review of Administrative Science*, vol. 78, no 4, pp. 665–691. DOI: 10.1177/0020852312455992

Elbasani A., Šabić S. (2018) Rule of Law, Corruption and Democratic Accountability in the Course of EU Enlargement. *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no 9, pp. 1317–1335. DOI: 10.1080/13501763.2017.1315162

Eisenstadt S., Roniger L. (1980) Patron-Client Relations as a Model of Structuring Social Exchange. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 22, no 1, pp. 42–77. DOI: 10.1017/S0010417500009154

Finer S.E. (1974) State-Building, State Boundaries and Border Control: An Essay on Certain Aspects of the First Phase of State-Building in Western Europe Considered in the Light of the Rokkan-Hirschman Model. *Social Science Information*, vol. 13, pp. 79–126. DOI: 10.1177/053901847401300407

Franks J., Richmond O.P. (2008) Coopting Liberal Peace-building: Untying the Gordian Knot in Kosovo. *Cooperation and Conflict*, vol. 43, no 1, pp. 81–103. DOI: 10.1177/0010836707086738

Gashi D., Emerson S. (2013) A Class of Its Own – Patronage and Its Impact on Social Mobility in Kosovo. *Democracy for Development*. Available at: https://d4d-ks.org/wp-content/uploads/2013/05/D4D_PI_2_ENG_WEB.pdf, accessed 10.12.2020.

Gollopeni B. (2015) Rural Urban Migration in Kosovo. *International Journal of Business and Social Science*, vol. 6, no 9, pp. 96–105. Available at: https://www.researchgate.net/publication/292989258_Rural_Urban_Migration_in_Kosovo, accessed 10.12.2020.

Hernandez M., Karver J., Negre M., Perng J. (2019) Promoting Tax Compliance in Kosovo with Behavioral Insights. *International Development Agency*. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31357/135032-WP-PUBLIC-Kosovo-Tax-Compliance.pdf?sequence=1&isAllowed=y>, accessed 15.07.2020.

Horowitz D.L. (2013) Destroyed Foundations of the Right for Secession. *Vlast*, no 11, pp. 189–191. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20744506_72606637.pdf, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Hoxha F., Milovanović D., Buzhala Y. (2016) Actors, Resources and Mechanisms of Informality and Klientelism in Kosovo. *Informal Power Networks, Political Patronage and Klientelism in Serbia and Kosovo* (ed. Cvejić S.), Belgrade: SeConS, pp. 87–109.

Isa M.A., Shiroka-Pula J., Krasniqi B.A., Sauka A. (2019) *Analysis of the Shadow Economy in Kosova*, Prishtina: Kosova Academy of Sciences and Arts. DOI: 10.13140/RG.2.2.17653.32487

Judah T. (2019) Kosovo's Demographic Destiny Looks Eerily Familiar (2019). *BalkanInsight*, November 7, 2019. Available at: <https://balkaninsight.com/2019/11/07/kosovos-demographic-destiny-looks-eerily-familiar/>, accessed 10.12.2020.

King I., Mason W. (2006) *Peace at Any Price: How the World Failed Kosovo*, Ithaca, New York: Cornell University Press.

Kosovo: Background and U.S. Policy (2020). *Congressional Research Service*, May 5, 2020. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R46175.pdf>, accessed 10.12.2020.

Kosovo Political Economic Analysis. Final Report (2017). *USAID*, December 26, 2017. Available at: <https://usaidlearninglab.org/sites/default/files/resource/files/pa00n87p.pdf>, accessed 10.12.2020.

Krasner S.D., Risse T. (2014) External Actors, State-Building, and Service Provision in Areas of Limited Statehood: Introduction. *Governance*, vol. 27, no 4, pp. 545–567. DOI: 10.1111/gove.12065

Kudryashova I.V., Kharitonova O.G. (eds.) (2020) *Metamorphoses of Divided Societies*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).

Labour Force Survey Q1 2020. *Kosovo Agency of Statistics*. Available at:

<https://ask.rks-gov.net/media/5610/afp-tm1-2020-anglisht.pdf>, accessed 10.12.2020.

Lu J. (2018) *Exploring the Legal Color of Secession: On State Secession from International Law Perspectives*, Springer.

Narten J. (2009) Dilemmas of Promoting “Local Ownership”: The Case of Postwar Kosovo. *The Dilemmas of Statebuilding: Confronting the Contradictions of Postwar Peace Operations* (eds. Paris R., Sisk T.D), Abingdon: Routledge, pp. 252–283.

Papadimitriou D., Petrov P. (2013) State-Building without Recognition: A Critical Retrospective of the European Union’s Strategy in Kosovo (1999–2010). *In European Integration and Transformation in the Western Balkans. Europeanisation or Business as Usual* (ed. Elbasani A.), Oxford: Routledge, pp. 121–137.

Paris R., Sisk T.D. (2009) Introduction: Understanding the Contradictions of Postwar State-building. *The Dilemmas of State-building: Confronting the Contradictions of Postwar Peace Operations* (eds. Paris R., Sisk T.D), Abingdon: Routledge, pp. 1–20.

Pavlović M. (2013) Demographic Changes in Kosovo – 1974–1981. *Transconflict*, April 5, 2013. Available at: <http://www.transconflict.com/2013/04/demographic-changes-in-kosovo-1974-1981-054/>, accessed 10.12.2020.

Ramet S.P. (2006) *The Three Yugoslavias: State-Building and Legitimation, 1918–2005*, Bloomington: Indiana University Press.

Richmond O., Jason F. (2007) Liberal Hubris? Virtual Peace in Cambodia. *Security Dialogue*, vol. 38, no 1, pp. 27–48. DOI: 10.1177/0967010607075971

Romanenko S.A. (2008) Settlement for Kosovo and International Security. *World of Change*, no 1, pp. 43–52. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17773898_40729806.pdf, accessed 10.12.2020. (in Russian).

Selenica E. (2017) Crafting Exclusive Nations? The Role of Education in Post-

war Kosovo. *State-Building in Postindependence Kosovo: Policy Challenges and Societal Considerations* (eds. Armakolas I. et al.), Prishtinë: Kosovo Foundation for Open Society, pp. 95–114.

Semenenko I. (2018) Nationalism, Separatism, and Democracy. New Patterns of National Identity in “Old” Europe. *POLIS*, no 5, pp. 70–87 (in Russian). DOI: 10/17976/jpps/2018.05.07

Skendaj E. (2014) International Insulation from Politics and the Challenge of State Building: Learning from Kosovo. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, vol. 20, no 3, pp. 459–481. DOI: 10.1163/19426720-02003009

Strengthening the Statehood of Kosovo through the Democratization of Political Parties (2012). *KIPRED*. Available at: http://www.kipred.org/repository/docs/Strengthening_the_statehood_of_Kosovo_through_the_democratization_of_political_parties_17969.pdf, accessed 10.12.2020.

Tadić K. (2017) Hybrid Institutions? International Templates and Political Patronage in the Recruitment of Civil Servants in Kosovo. *State-building in Postindependence Kosovo: Policy Challenges and Societal Considerations* (eds. Armakolas I. et al.), Prishtinë: Kosovo Foundation for Open Society, pp. 53–72.

Tasić D. (2020) *Paramilitarism in the Balkans: Yugoslavia, Bulgaria, and Albania, 1917–1924*, New York: Oxford University Press.

The Kanun of Lek Dukagjini (1961). *Monuments of the Feudal State and Law of European Countries*. Moscow: State Publishing House of Legal Literature: A Reader. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Albanien/Zakonnik_Leka/text.phtml?id=2182, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Tholens S., Gross L. (2015) Diffusion, Contestation and Localisation in Post-War States: 20 Years of Western Balkans

Reconstruction. *Journal of International Relations and Development*, vol. 18, no 3, pp. 249–264. DOI: 10.1057/jird.2015.21

Visoka G., Richmond O. (2016) After Liberal Peace? From Failed State-Building to an Emancipatory Peace in Kosovo. *International Studies Perspectives*, vol. 18, no 1, pp. 1–20. DOI: 10.1093/isp/ekw006

Weller M. (2008) Negotiating the Final Status of Kosovo. *Chaillot Paper*. No 114,

Paris: European Union Institute for Security Studies. Available at: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp114.pdf>, accessed 10.12.2020.

Zweynert J. (2009) Interests versus Culture in the Theory of Institutional Change? *Journal of Institutional Economics*, vol. 5, no 3, pp. 339–360. DOI: 10.1017/S174413740999004X